

УДК 008

Л. К. Круглова

Антропологическое направление в российской культурологии: итоги и перспективы

Часть 1

Антропологическое направление в культурологии базируется на понимании культуры как способа саморазвития человека. Главным итогом развития этого направления является то, что в настоящее время среди целей государственной политики на первое место поставлено формирование гармонично развитой личности. Перспективы развития антропологического направления в культурологии автор статьи видит в том, чтобы антропологический принцип был использован для наведения мостов между культурологической теорией и практикой. Это означает, что главным критерием аналитической, экспертной и проектной деятельности в сфере культуры должна стать не экономическая, а человекотворческая эффективность, то есть оценка различных культурных феноменов и проектов с точки зрения того, что они дают человеку, на формирование каких человеческих качеств и свойств они нацелены.

Ключевые слова: антропологическое направление, антропологический принцип в культурологии, антропологическая структура культуры.

L. K. Kruglova. Anthropological direction in Russian culturology: results and perspectives.

Anthropological direction in culturology is based on understanding of culture as a way of self-development of a person. The main result of the development of this direction is that at the present time the formation of a harmoniously developed person is placed first among the goals of state policy. Prospects for the development of anthropological direction in cultural studies the author sees in the fact that the anthropological principle was used to build bridges between cultural theory and practice. This means that the main criterion for analytical,

expert and project activities in the sphere of culture should be not economic, but human-creative effectiveness, that is, the evaluation of various cultural phenomena and projects in terms of what they give to a person, what kind of human qualities and properties they are targeted.

Keywords: *anthropological direction, anthropological principle in culture, anthropology, anthropological structure of culture.*

Одним из итогов развития российской культурологии в настоящее время признается эффективное использование трех основных подходов к пониманию культуры: деятельностного, аксиологического и семиотического. При этом особое значение придается не только каждому из них в отдельности, но и их сочетанию между собой. Так, известный российский культуролог И. В. Кондаков считает, что «сочетание деятельностного, ценностно-смыслового и структурно-семиотического подходов к культуре (именно этих трех!) в качестве взаимодополнительных и в чем-то пересекающихся друг с другом позволили отечественным культурологам построить многомерную модель культуры, позволяющую фактически представить любой объект, относящийся к природе, обществу, человеческому творчеству и даже воображаемой реальности и включенный в тот или иной смысловой контекст, в человеческую деятельность, в процесс коммуникаций — в качестве феномена культуры» [14, с. 13]. Вместе с тем вслед за приведенными выше словами И. В. Кондаков делает весьма примечательное дополнение, в котором он подчеркивает, что «кроме названных трех аналитических подходов, современное культурологическое знание может быть, конечно, дополнено также антропологическим, лингво-культурологическим и другими общественно-гуманитарными аспектами. Но это уже второй шаг (и новый уровень) на пути дисциплинарной институализации и концептуализации культурологии как самостоятельной гуманитарной науки» [14, с. 13].

Соглашаясь с проф. И. В. Кондаковым в том отношении, что к настоящему времени представители деятельностного, аксиологического и семиотического подходов оказались наиболее активными в представлении своих взглядов, надо, как представляется, особое внимание обратить на идею И. В. Кондакова о возможности дополнения трех названных подходов другими «асpekтами». Дело в том, что все «дополнительные подходы» уже разрабатываются. Но один

из них — антропологический — заслуживает особого внимания. Представляется, что именно на его основе, но, разумеется, в сочетании со всеми другими подходами, возможен переход культурологии на новый уровень развития, о чем идет речь в приведенном выше высказывании И. В. Кондакова.

К этому мнению в явной или неявной форме склоняются многие представители отечественной культурологии. Так, проф. Л. М. Мосолова, солидаризируясь с И. В. Кондаковым по вопросу о значении деятельностного, аксиологического и семиотического подходов, вместе с тем подчеркивает, что «человек — центральный топос в пространстве современной реальности и современной эпистемы» [40].

При этом совершенно очевидно, что три подхода, считающиеся лидирующими, не обеспечивают проблеме человека центрального места в культурологической эпистеме. Это возможно только на основе антропологического поворота в культурологии, что предполагает построение всего здания культурологической теории на основе антропологического принципа [35, с. 18].

Подведение итогов и осмысление перспектив развития антропологического направления в российской культурологии и является целью настоящей статьи.

Идея о неразрывной связи человека и культуры высказана В. Оствальдом, который определял культурологию как науку «о человеке и его наивысших проявлениях» [43, с. 68]. При этом Оствальд оговаривался, что ее лучше всего было бы назвать антропологией, если бы это название не было уже приложено к одной из небольших областей всей совокупности наук о человеке. Чтобы все-таки сохранить «человеческое» содержание в культурологии, Оствальд даже предлагал для нее название «антропика», которое, как он считал, соотносится с названием «физика» [43, с. 68].

Таким образом, уже в трудах первооткрывателя культурологии, каковым является В. Оствальд, обозначились две смысловые доминанты — культурология как наука о культуре и культурология как наука о человеке.

Первая из этих доминант — культурология как наука о культуре — получила мощную разработку в научной деятельности американского культурантрополога Лесли Уайта (1900—1975), который спустя несколько десятилетий после Освальда привлек внима-

ние не только к термину «культурология», но и к самой идее культурологии. Уайт видел в культурологии прежде всего строгую науку о наиболее общих законах развития культуры. В идеал строгой науки плохо вписывался человек с его сверхсложным внутренним миром и еще более сложными способами его внешнего выражения. Вероятно, именно поэтому Уайт «пожертвовал» человеком, вычеркнул его из культурологии. На этот счет он высказывался весьма определенно, категорически утверждая, что «культура», а не человек определяет форму и содержание человеческого поведения» [45, с. 149].

Противоположную точку зрения представлял Дэвид Бидни (1908—1987), который видел в человеке «самоопределяющегося активного агента, находящегося под влиянием культурных продуктов и паттернов, но тем не менее представляющего собой первичную движущую силу культурного процесса» [3, с. 68]. В соответствии с этим Д. Бидни трактовал культурологию как метаантропологию, усматривая в ней «особого рода теорию, связанную с проблемами культурной реальности и природы человека» [41].

Однако конкретных способов, с помощью которых можно было бы «вписать» человека в строгую науку о культуре, Д. Бидни не предлагал. В результате культурология уайтовского образца оставалась «обесчеловеченной», и в таком своем виде она представляла недостаточно убедительной с теоретической точки зрения, потому что неразрывная связь человека и культуры была совершенно очевидной. Как констатировал К. Гирц, «без людей не было бы культуры ...без культуры не было бы людей» [4, с. 132].

Но самое главное заключалось в том, что «обесчеловеченная» культурология была малоэффективной с практической точки зрения. В этом отношении ее намного превосходила культурная антропология, в которой симбиоз человека и культуры декларировался и утверждался самим названием.

В результате культурология, как не оправдавшая надежд, потеряла свой авторитет, в настоящее время среди научных дисциплин, признаваемых таковыми на Западе, культурологии нет, зато есть «науки о культуре», в самом названии которых содержится отрицание идеи целостности культуры. Кроме того, имеются такие дисциплины, как «культурные исследования» («cultural studies»). По-прежнему большим авторитетом, как практикоориентированные,

пользуются культурная антропология и социальная антропология. При этом между ними сложилось своеобразное разделение труда: культурная антропология изучает в основном культуру архаических народов, социальная антропология — современную культуру, смыкаясь в этом отношении с «cultural studies». Признание «полезности» этих дисциплин и направлений исследований выражается в том, что в штатах многих правительственных организаций и частных фирм представлены должности антропологов. При этом само собой разумеется, что люди, занимающие эту должность, являются специалистами именно в области культурной антропологии, а не в области антропологии как науки о биологических свойствах человека. Таким образом, в западной научной традиции антропология является объединяющим началом для наук о культуре. Но именно «наук», а не «науки» о культуре. Идея культурологии как «науки» о культуре в том виде, как она была представлена в первую очередь Лесли Уайтом, на Западе фактически отброшена. Причиной, как следует из сказанного выше, явилось то, что не было найдено принципа, на основании которого можно было бы рассматривать культуру как нечто целостное, единое. Культура поражала своим разнообразием. В эмпирических науках, имевших дело с культурой, этот принцип вроде бы обозначился сам собой — это был человек. Но для «строгой» науки о культуре этот принцип казался малопригодным: человек слишком многогранен, чтобы втиснуться в жесткие рамки какой-либо строгости. Поэтому трактовка культурологии как метаантропологии, на которой настаивал Д. Бидни, осталась в области философии и не переместилась в науку.

Однако идея культурологии как науки была активно поддержана и получила мощное развитие в нашей стране. Я думаю, никто из ныне здравствующих и активно работающих культурологов не обидится, если я назову среди пионеров культурологического движения в первую очередь два имени отечественных ученых: Эдуард Саркисович Маркарян [2] и Моисей Самойлович Каган.

Э. С. Маркарян высоко ценил заслуги Л. Уайта как мыслителя, обратившего внимание на необходимость изучения культуры как особого класса объектов, имеющих внебиологическое происхождение. Тем не менее Э. С. Маркарян полагал, что Л. Уайту «не удалось создать адекватных теоретических средств рассматриваемой новой области

знаний» [36, с. 175]. Главную причину этого Э. С. Маркарян усмотрел в том, что «Л. Уайт основной акцент делал на экстериторных термодинамических свойствах культуры, выражающих взаимодействие общества со средой. Вне его поля зрения во многом оставались термодинамические процессы, происходящие в рамках самого социального организма» [36, с. 176]. В результате, как полагал Э. С. Маркарян, культурология уайтовского образца, выполняя познавательную функцию, не смогла в полной мере удовлетворить «управленческие и прикладные потребности». Исходя из этого, Э. С. Маркарян сосредоточил свое внимание на роли культуры в процессах самоорганизации общества, то есть на негэнтропийной функции культуры, заключающейся в том, что культура противостоит процессам потери энергии (энтропии), дезорганизации, хоатизации, имеющим место в обществе как в любой сложной системе.

В соответствии с этим Э. С. Маркарян усматривал смысловое ядро своей интерпретации культуры в том, что она понимается «в качестве специфического способа человеческой жизнедеятельности, объемлющей собой систему надбиологически выработанных средств ее осуществления». «Рассмотренная в этом ключе, — подчеркивал Э. С. Маркарян, культура предстает как особый регулятивный, жизнеобеспечивающий и воспроизводящий механизм общества, иначе говоря, как универсальная технология осуществления активности людей» [36, с. 176].

Таким образом, в отличие от Л. Уайта, в научной концепции которого культурология представляла только в одной своей ипостаси — как наука о культуре — Э. С. Маркарян с самого начала включает в свою концепцию и смыслы, позволяющие рассматривать культурологию как науку не только о культуре, но и о человеке.

Стремясь к углублению гуманитарной составляющей своей концепции культуры и включению в нее «индивидуально-личностных характеристик», Э. С. Маркарян создает теоретическую конструкцию под названием «традициология». Основные моменты ее содержания заключаются в том, что, во-первых, традиция, по Маркаряну, является главным механизмом трансляции культурного опыта от поколения к поколению, во-вторых, любая традиция, как стереотипизированная форма групповой деятельности, есть прошедшая проверку и принятая группой новация, источником которой является личность,

и, наконец, в-третьих, любая новация представляет собой синтез индивидуального и коллективного опыта [37].

Нельзя не отметить, что традициология действительно расширила гуманитарные горизонты культурологии и сблизила две смысловые доминанты: культурология как наука о культуре и культурология как наука о человеке. Однако, вероятно, традициологию все-таки с большим основанием можно отнести к науке о культуре, поскольку основное ее содержание сводится к описанию динамики культуры, имеющей своим источником взаимосвязь и взаимодействие новаций, инноваций как внедренных принятых новаций и традиций.

Обращение к глобальным проблемам современности убедило Э. С. Маркаряна в необходимости дальнейшей разработки гуманитарных аспектов культурологии. Результатом явился проект «Гуманизм XXI столетия». Главная его идея заключалась в том, что «гуманизация культуры в нашу эпоху выступает в качестве аксиологического императива выживания» [38, с. 538]. Казалось бы, постановка проблемы гуманизма, гуманизации культуры требует разработки антропологического аспекта культурологии. Но Э. С. Маркарян пошел другим путем: главным звеном в осуществлении проекта «Гуманизм XXI столетия» он считал создание новой научно-образовательной культуры. Это дает основание сделать вывод, что культурология, как она представлена Э. С. Маркаряном, осталась все-таки в большей мере наукой о культуре, нежели наукой о человеке и культуре.

Между тем в корпусе идей Э. С. Маркаряна есть замечания относительно возможных путей антропологизации культурологии. Так, говоря об имеющих место в литературе частых обращениях к идее К. Маркса о сущностных силах человека, Э. С. Маркарян замечал, что «она обычно если и используется, то интерпретируется очень неопределенно» [39, с. 295]. «Между тем, — подчеркивал Э. С. Маркарян, — важно добиться ее уточнения и операционализации для того, чтобы она могла быть должным образом использована в исследовательской и социально-управленческой практике» [39, с. 295]. Решение этой задачи Э. С. Маркарян, видимо, оставлял за теми, кто обращался к идее сущностных сил человека. Он сам не хотел или не считал необходимым ступать на зыбкую почву антропологии, возможно потому, что не видел способов согласования ее с идеалами строгой науки.

Кроме того, нельзя не отметить, что Э. С. Маркарян употреблял слово «антропология» и производные от него в основном в связи с анализом тенденций развития культурной антропологии на Западе. Для работы в смысловом поле, связанном с проблемой человека, он предпочитал пользоваться словами, терминами, понятиями «человек», «личность», «гуманизм», «гуманизация», «гуманитаристика» и т. д. и т. п.

Проблеме человека уделено большое внимание в творчестве другого столпа отечественной культурологии — Моисея Самойловича Кагана. Об этом красноречиво говорят многие названия его произведений, среди которых в первую очередь следует отметить монографии «Человеческая деятельность» [6] и «Се человек...» [7]. Вместе с тем М. С. Каган внес большой вклад в развитие культурологии как науки о культуре, чему в наибольшей степени способствовало, как представляется, успешное использование им системной методологии [8]. Таким образом, можно констатировать, что обе доминанты, о которых речь шла ранее, — культурология как наука о культуре и культурология как наука о человеке — богато представлены в творчестве М. С. Кагана. Однако осмелюсь заметить, что все-таки они остались двумя доминантами, их сопряжения в единую доминанту — «культурология как наука о человеке и культуре» — не произошло.

Доказательством этого может служить содержание одной из глав учебника «Культурология» [10], написанной М. С. Каганом, — «Антропологические аспекты культуры» [9].

В нее включены четыре параграфа: «Культура и человек», «Культура и общество», «Функционирование культуры», «Историческая динамика бытия культуры». Совершенно очевидно, что из четырех параграфов нацелен на антропологическую проблематику лишь первый — «Культура и человек» [10, с. 227—239]. В нем М. С. Каган формулирует мысль о том, что содержание проблемы «культура и человек ...состоит в выявлении роли человека как творца культуры и роли культуры как творца человека или, точнее, всего человеческого в человеке» [10, с. 228]. Далее М. С. Каган подчеркивает, что проблема взаимоотношений культуры и бытия человека в его родовых качествах находится на стыке философии культуры и философской антропологии. Соглашаясь с этой идеей, нельзя

не отметить, что подступы к любой науке находятся в сфере философии. Культурология в этом отношении не исключение. Более того, как молодая наука и как наука, имеющая дело с весьма эфемерными объектами, она, быть может, больше нуждается в философии — матери всех наук — нежели все остальные. Однако, как представляется, понятия, концепты, идеи, выдвигаемые в сфере философии в качестве исходных, должны быть все-таки достаточно операциональными, чтобы найти применение в той или иной конкретной науке. Проанализируем с этой точки зрения идеи М. С. Кагана относительно того, какие человеческие качества являются решающими для выполнения им роли творца культуры, т. е. обеспечивают культурогенез. На взгляд М. С. Кагана, это «интеллект, духовность, свобода, творческий характер деятельности» [10, с. 231]. Полностью признавая огромное значение этих человеческих качеств в культуротворчестве, нельзя не отметить, что содержание понятий, которыми они обозначаются, крайне расплывчато, неопределенно, и поэтому они, как представляется, недостаточно операциональны и малопригодны для использования их в научных целях, то есть их можно и нужно оставить в сфере философии.

В последнее время иногда возникают дискуссии по поводу соотношения концепций Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана. Одно из направлений этих дискуссий — установление приоритета в авторстве или активации тех или иных идей, в частности в разработке системной методологии в применении к изучению культуры. Совершенно очевидно, что для определения позиции в этом вопросе нужна тщательная, а точнее скрупулезная работа. Однако столь же очевидно, что гораздо большее значение может иметь работа в несколько ином направлении, а именно сравнительный анализ содержания концепций Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана. Надо отметить, что они во многом были солидарны, однако согласие по одним вопросам не мешало этим выдающимся ученым дискутировать по ряду других проблем. К числу важнейших из них Э. С. Маркарян относил определение культуры, в котором он делал упор на то, что она является внебиологически выработанным *способом* человеческой жизнедеятельности, в то время как М. С. Каган считал необходимым рассматривать культуру как совокупность, а точнее систему *способов и результатов* человеческой деятельности.

На первый взгляд, этот спор имеет чисто логическую природу. Однако на эту проблему можно смотреть иначе. Дело в том, что главным результатом деятельности человека является он сам, а рассматривать его как «элементарную часть» по отношению к «способу деятельности» как целому не представляется возможным. Таким образом, позиция М. С. Кагана, включающего в понятие культуры и способности, и результаты деятельности как однопорядковые, оказывается более открытой к пониманию культурологии как науки о человеке и культуре, нежели позиция Э. С. Маркаряна, поскольку ограничение предметного поля культурологии понятием «способ деятельности» ведет к исключению из него человека, т. е. к пониманию культурологии только как науки о культуре.

Таким образом, вся история развития культурологии — от Оствальда до наших дней — не только убедительно показывает наличие в ее содержании двух смысловых доминант — культурологии как науки о культуре и культурологии как науки о человеке — но и не менее убедительно демонстрирует необходимость их объединения и превращения культурологии в науку о человеке и культуре.

* * *

1. Барановская С. А. Театр в культуре детства: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2011. 27 с.

2. Бондарев А. В. Третье рождение культурологии: вклад Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи / Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2014. С. 583—625.

3. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 57—90.

4. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 171—202.

5. Дядина Е. А. Проблема человека и культуры в философии Б. П. Выше-славцева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 20 с.

6. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.

7. Каган М. С. Се человек: Рождение, жизнь и смерть в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. СПб., 2001. 234 с.

8. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 383 с.

9. Каган М. С. Антропологические аспекты культуры // Культурология: учебник под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Юрайт-Издат, 2005. 566 с.

10. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Юрайт-Издат, 2005. 566 с.

11. Каган М. С., Круглова Л. К. Культура в свете философии. Тбилиси: Хеловнеба, 1979. 320 с. Рец. // Философские науки. 1980. № 6. С. 154—156.

12. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. С. 143—152

13. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. 252 с.

14. Кондаков И. В. Современное состояние наук о культуре в России: достижения и перспективы // Мир культуры и культурология: альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 4. СПб., 2015. С. 10—17.

15. Круглова Л. К. Антропологическая философия П. Л. Лаврова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1973. 35 с

16. Круглова Л. К. Человек и культура: монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 397 с.

17. Круглова Л. К. Основы культурологии. СПб., 1995, 1997, 1998, 2000, 395 с.; Круглова Л. К. Теория культуры. Часть I. Введение в теорию культуры. СПб.: СПбГУВК, 2009. 130 с.; Круглова Л. К. Теория культуры. Часть II. Функции и структура культуры. СПб.: СПбГУВК, 2009. 358 с.; Теория культуры. Часть III. Цивилизация. Культура. Гуманизм. СПб.: СПбГУВК, 2009. 135 с.

18. Круглова Л. К. Интегративная роль антропологического принципа в культурологии // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов: сб. статей. М.: РГГУ, 2001. С. 295—301.

19. Круглова Л. К. Многоликость массовой культуры и дети // Тинэйджеры в современном социуме: инвариантность и лабиринты: сборник научных трудов. СПб.: Астерион, 2014. С. 37—42.

20. Круглова Л. К. Корпоративная культура как вызов современности: методологический аспект // Философия культуры и культурология: вызовы и ответы. СПб., 2007.

21. Круглова Л. К. Человекотворческий потенциал туризма // Человек познающий, Человек созидающий, Человек верующий: сб. ст. / ред. Ю. Н. Солонин (пред. и др.) // Вестник СПбГУ. 2009. Спец. вып. С. 456—469.

22. Круглова Л. К. Концепт «антропологическая структура культуры»: эвристический и методологический потенциал // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. II. СПб., 2012. С. 194—205.

23. Круглова Л. К. Концепты «идея университета», «миссия университета», «университет в руинах»: культурологический анализ. Часть 1, 2, 3 // Вопросы культурологии. 2016. № 2. С. 62—68; № 3. С. 59—65; № 4. С. 46—52.

24. Круглова Л. К. Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 1. СПб., 2011. С. 241—256.

25. Круглова Л. К. Универсальный гуманизм как принцип решения проблемы разнообразия и единства культур // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: сб. научных статей. СПб.: СПбКО 2010. С. 134—138.

26. Круглова Л. К. Социокультурная антропоэкология. СПб.: СПбГУВК, 2000. 74 с.; Круглова Л. К. Человек-природа-общество-культура: социокультурная антропоэкология: монография / Гос. университет морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова. СПб., 2013. 118 с.

27. Круглова Л. К. Креативный потенциал культурологии как теоретической основы практического решения глобальных проблем современности // Культурологическая парадигма Вып. 1. Познавательные возможности культурологии. М.: Согласие, 2011. С. 90—103.

28. Круглова Л. К. Проект глобальной культуры: pro et contra // Семиозис и культура: интеллектуальные практики: монография. Гл. 2, Сыктывкар, 2013. С. 56—63.

29. Круглова Л. К. Культурология в технических вузах: статус и престиж, теория и практика // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. III. СПб., 2013. С. 288—292.

30. Круглова Л. К. Актуальные проблемы теории культуры // Философские науки. 1986. № 5.

31. Круглова Л. К. К вопросу об историко-культурной типологии // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности: материалы всесоюзной научной конференции. Ч. I. М., 1978.

32. Безопасность: философско-культурологический аспект // Безопасность водного транспорта: труды международной научно-практической конференции. Т. 1. СПб., СПГУВК, 2003.

33. Круглова Л. К. Культура как ресурс национальной безопасности // Актуальные проблемы современного культурологического знания: глобальный мир в культурологическом измерении: Всероссийская научная конференция 27 марта 2012 г. Москва, ФГБОУ ВПО «МПГУ»: доклады и материалы / отв. ред. О. А. Жукова, Т. Ф. Кузнецова. Люберцы: Гуманитарно-социальный институт, 2012.

34. Круглова Л. К. Ценностные горизонты российской культуры в аспекте проблемы национальной безопасности // Ценностные горизонты российской культуры: сб. статей. СПб., 2012. С. 167—182.

35. Круглова Л. К. Антропологический поворот и антропологический принцип в философии и культурологии: исторические модификации. Часть 1 // Вопросы культурологии. 2016. № 9. С. 35—41; № 10. С. 29—36.

36. Маркарян Э. С. Инварианты самоорганизации и проблемы эколого-энергетического исследования общества // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 175.

37. Маркарян Э. С. Традициология как наука о законах трансформационных циклов жизненного опыта людей // Там же. Ч. 3. С. 22—32.

38. Маркарян Э. С. Комплексные социокультурные проекты // Там же Ч. 5. С. 433—560.

39. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука // Там же Ч. 3. С. 200—432.

40. Мосолова Л. М. Культурология в современной России. Публичная лекция в Санкт-Петербургском доме ученых 01.11.2016, посвященная памяти М. С. Кагана // Вопросы культурологии. 2016. № 12. С. 8—19.

41. Мостова Л. А. Бидни Дэвид // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 1. СПб.: Университетская книга; Алатайя, 1998. С. 71.

42. Основы государственной культурной политики. URL: <http://base.garant.ru/70828330/>. С. 6; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>. С. 25.

43. Оствальд, В. Т. Наука и культура // Мир культуры и культурология: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 1. СПб.: изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 57—68.

44. Сагатовский В. Н. Сущностные силы человека // Человек: деятельность, творчество, стиль мышления. Симферополь, 1987. С. 32—45.

45. Сулимов В. А., Фадеева И. Е. Семиозис: антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 251 с.

46. Уайт Л. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 141—156.

47. Шановский В. К. Диалектика сущностных сил человека. Киев: Вища школа, 1985. 171 с.